

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЛМЫКИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Р. К. Надбитов

С началом Первой мировой войны российское правительство взяло решительный курс на усиление государственного регулирования экономики. В связи с этим нарастало влияние государства на все отрасли народного хозяйства. Определенный интерес правительственных кругов стали вызывать национальные окраины империи, рассматривавшиеся в качестве поставщиков сырья и сельскохозяйственной продукции. В этом плане Калмыцкая степь Астраханской губернии могла выступать в качестве поставщика скота и продуктов скотоводства. Если в более ранний период развитие товарного животноводства в Калмыкии было обусловлено постепенным втягиванием региона в систему общероссийских рыночных отношений, то с началом Первой мировой войны — потребностями армии и тыла.

С осени 1914 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии началась кампания по пожертвованию населением лошадей на нужды фронта. 26 октября с этой важной миссией от Верховного главнокомандующего в Астрахань прибыл нойон Малодербетовского улуса, корнет Д. Тундутов. Приемка лошадей производилась на станции Тингута Владикавказской железной дороги и на Калмыцком Базаре, где специалисты тщательным образом осматривали животных. Из первой партии в 100 лошадей, пожертвованных калмыками Александровского улуса, ротмистр Соколов, откомандированный Управлением по ремонту армии, забраковал и сдал в распоряжение местной администрации 83 животных [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 251. Л. 88].

По распоряжению астраханского губернатора забракованных лошадей продали, а вырученные деньги перечислили на военные нужды. 25 ноября 1914 г. генерал от инфантерии Янушкевич отослал попечителям телеграмму с требованием следить, чтобы пригоняемые на приемные пункты лошади отвечали требованиям

комиссии. Кампания растянулась на несколько месяцев, и в итоге астраханские калмыки пожертвовали на нужды армии 1 516 строевых лошадей и 400 тыс. рублей. По представлению ремонтной комиссии Астраханского района многие калмыцкие коннозаводчики получили награды. Так, к серебряным медалям с надписью «За усердие» были представлены зайсанги Ц. Онкоров, Б. Трухметов и Б. Боваев [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 251. Л. 88–89].

С 1 января 1915 г. на всех «иногородцев», не отбывавших воинскую повинность, было распространено Положение о военном налоге. В связи с этим в Астраханской и Ставропольской губерниях начались «добровольные закупки» (принудительные реквизиции скота и сельскохозяйственного сырья для снабжения армии по установленным государством ценам). До 1916 г. заготовку скота в Калмыцкой степи вела Элистинская комиссия, а с февраля 1917 г. — еще две: Калмбазаринская и Абганеровская [Орехов 1967: 80]. В 1914–1915 гг. скот регулярно поставлялся населением Калмыцкой степи. Однако к 1916 г. ее ресурсы значительно истощились. На совещании по вопросу о мясopоставках, состоявшемся 27 февраля, представитель Управления калмыцким народом (УКН) С.Р.Залкинд заметил, что в течение года Калмыцкая степь сможет поставить не более 4 тыс. голов крупного рогатого скота. В ответ уполномоченный по заготовке скота от Астраханской земской управы Г.И. Колесников заявил, что «калмыкам следует примириться с некоторыми тягостями» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1. Л. 8].

В марте 1917 г. заведующий калмыцким народом Б. Э. Криштафович объехал улусы, требуя неукоснительного выполнения плана разверстки и угрожая, что в противном случае скот будет изъят на местах против желания калмыков. Несмотря на проведенную в августе перепись скота, план по-

ставки был выполнен только наполовину [НА РК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 855. Л. 11].

Массовые поставки проводились и в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии. Из-за разорительных реквизиций за 1913–1917 гг. поголовье крупного рогатого скота в улусе сократилось с 31,4 тыс. голов до 19,5. По итогам особого совещания по продовольственному делу при Министерстве земледелия, по Ставропольской губернии в 1916 г. предполагалось закупить 150 тыс. голов крупного рогатого скота. На долю населения Большедербетовского улуса из этого количества приходилось 7 845 голов, или 33 % от всего поголовья скота [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 267. Л. 61]. Высокие нормы реквизиции, носившей принудительный характер при названии «добровольная закупка», значительно подорвали благосостояние калмыцких семей. В сентябре 1916 г. старшина I Икитуктунова рода сообщил, что «скота, подлежащего продаже, нет». Телеграмма с похожим содержанием была отправлена попечителю улуса Е. Ф. Майгурову от калмыков Абганерова рода: «продать скот для нужд военного ведомства не можем» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1. Л. 92].

В то же время комиссия по приемке скота в улусе сделала вывод: «Скота у калмыков достаточно, оказался он вполне упитанным и поэтому вполне пригодным к приемке его для нужд армии» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1 Л. 168]. По итогам двух разнарядок 1916 г. калмыками Большедербетовского улуса было сдано 6 808 голов рогатого скота.

В 1917 г. норма реквизиции повысилась до 7 000 голов. В этой ситуации жители улуса пытались укрыть скот и, уклоняясь от поставок, шли на различные ухищрения. Так, калмыки II Икитуктунова рода во главе с председателем продкомитета Гапоном Санджиевым вызвали у животных фиктивный ящур [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1 Л. 160]. Телеграммой от 28 февраля 1917 г. Медвеженская земская управа просила о поставке с 7 по 25 марта еще 3 400 голов крупного рогатого скота. Даже сам попечитель Е. Ф. Майгуров счел данную цифру нереальной, отметив, что земская управа требует поставить 2 751 голову сверх нормы, установленной в 1916 г. В то время как русское скотоводческое селение Сандата в 15 тыс. человек сдавало в месяц от 70 до 80 голов скота, калмыки Большедербетовского улуса,

которых насчитывалось чуть более 8 тыс., должны были сдать на нужды армии более 3 тыс. коров [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1 Л. 262, 263].

8 марта 1917 г. в урочище Башанта состоялось совещание, посвященное разверстке скота, на котором были избраны 2 представителя для защиты интересов калмыков в улусной комиссии по проведению реквизиции — Курака Кирсанов и Андрэ Михайлов. Выяснилось, что в результате проведения реквизиций поголовье скота в улусе уменьшилось вдвое — с 25 942 голов в январе 1916 г. до 13 068 в начале 1917 г. На места выезжали уполномоченные земских и улусных управлений, призванные следить за выполнением планов поставок скота. Но зачастую и они убеждались, что реквизировать было нечего. Так, выехавший с этой целью в декабре 1916 г. в I Багатуктуновский род помощник попечителя Большедербетовского улуса сообщил, что «выполнить разнарядку хозяйства родового управления действительно не могут» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1. Л. 238].

В то же время благосостояние большинства жителей Калмыкии заметно ухудшалось. На рубеже 1916–1917 гг. население России столкнулось с острой нехваткой продовольствия. Причина дефицита продуктов питания, в первую очередь хлеба, заключалась в растущем нежелании земледельческих хозяйств продавать его за деньги, стоимость которых быстро падала. Цены на зерно и продукты первой необходимости быстро росли. Похожая ситуация наблюдалась и на мясном рынке. В 1915 г. говядина и баранина подорожали вдвойне по сравнению с довоенным уровнем. Пуд мяса стал стоить 6 руб. 80 коп. вместо прежних 3–4 руб. [Яковлев 1994: 206].

Быстро росло количество учреждений, занимавшихся спекулятивной торговлей. В Александровском улусе действовала мясная лавка Габдика Иксапова с годовым оборотом в 6 тыс. руб., на Калмыцком Базаре — заведения Степана Лаврентьевича Косова (8 тыс. руб.), в Харахусовском улусе на урочище Утта — лавка Николая Петровича Стороженко (5 тыс. руб.). Торговые заведения А. Александрова и П. Сыромятникова в Манычском улусе приносили годовой доход в 12 тыс. рублей каждое. Крупные магазины А. Хаджимуратова и Р. Эрембетова функционировали в Эркетеневском улусе (годовой доход — 10 тыс. и 21 тыс. руб.

соответственно) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2474. Л. 194].

В ноябре 1915 г. в Астрахани состоялось совещание по продовольственному вопросу, в котором приняли участие представители губернских и уездных земских учреждений. В ходе совещания выяснилось, что одной из причин быстрого роста цен на продукты являлась дороговизна их провоза из-за разбросанности населенных пунктов Калмыцкой степи. Уже тогда здесь сложно было найти и закупить калмыцкий чай, муку. В своих письмах аймачным старшинам попечитель Малодербетовского улуса просил, чтобы они воздействовали на торговцев и уговорили их сделать запасы муки хотя бы до мая 1917 г. в пропорции, достаточной для населения [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 405. Л. 11].

25 марта 1917 г. вышло «Постановление Временного правительства о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах». Все зерно урожая прошлых лет и 1917 г. ставилось на учет в продовольственных учреждениях, а заготовка хлеба велась по установленным государством твердым закупочным ценам. Так, в соседней с Калмыцкой степью Донской области закупочная цена на хлеб составляла 2 руб. 30 коп., в Кубанской — 2 руб. 23 коп., в Терской — 2 руб. 30 коп. и в Ставропольской губернии — 2 руб. 30 коп. Не желая сдавать хлеб государству, многие землевладельцы пытались скрыть запасы имеющегося в хозяйстве зерна. В таких случаях зерно реквизировалось по половинной цене [НА РК. Ф. И-9. Оп. 12. Д. 52. Л. 160, 161].

Последствия ограниченного потребления хлеба населением Калмыкии стали ощущаться уже в апреле — мае 1917 г. Так, калмыки Хаджинкиновского рода Большедербетовского улуса просили улусный продкомитет разрешить им взять в долг из общественного хлебозапасного магазина по 4 пуда зерна на душу, предупреждая о «могущих произойти на почве недовольства» волнениях [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 23. Л. 68].

В Министерство внутренних дел была направлена докладная записка от уполномоченных калмыков Ставропольской губернии Е. Чонова, Н. Хараманджиева и А. Амур-Санана. Они просили министра сделать распоряжение об отпуске в фонд Большедербетовского продовольственного комитета

200 000 руб. ссуды из общественного калмыцкого капитала. Деньги требовались на организацию продовольственной помощи населению. В то время общая сумма общественного калмыцкого капитала Большедербетовского улуса составляла 1 393 600 руб. бумагами и 178 262 руб. наличными. Просьба большедербетовцев была отклонена [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 53. Л. 4].

О нараставшей нужде калмыков Астраханской губернии свидетельствовали сообщения, поступавшие от уполномоченных разных родов. В письме от 6 мая 1917 г. от калмыков Багацатановского аймачного общества сообщалось, что «нет муки и чая ни в лавках у нас, ни в городе Астрахани, либо еще где поблизости, и взять их негде, несмотря на то, что имеются деньги». «Недалеко время, — говорилось в письме, — когда явится голод и вместе с ним все, что несет он страшного для общества» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 49. Л. 39].

В связи с этим хотонные старосты четырех родовых обществ Багацатановского аймака просили выслать указанные продукты и распределить их между проживавшими здесь в 1 500 кибитках 6 000 калмыков. 18 мая в УКН было принято письмо от калмыков, проживавших в Енотаевске (62 семьи) и вокруг этого города: в имении Комова (50 семей), за р. Ахтубой (200 семей), за Волгой (50 семей). Енотаевские калмыки, занимавшиеся в основном работами по найму, неоднократно обращались в Багацатановский улусный продовольственный комитет с просьбой выдать им хлеб и чай, но безрезультатно. В Енотаевском продовольственном комитете также отклонили их просьбу, ссылаясь на то, что проблемы с довольствием калмыков не относились к его компетенции. «Нам продать нечего, — отмечалось в письме далее, — у нас нет никакой скотины, поэтому мы, калмыки, зарабатываем все своим горбом, и сколько ни заработаем, а за эти деньги не найдем ни чая, ни муки, а местные торговцы говорят, что у нас есть свой комитет» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 49. Л. 39, 39об.].

Озабоченный нараставшим кризисом, И. Гаврилов, агроном при УКН, высказал свои соображения в докладной записке. Он указал на «наблюдавшиеся в настоящий момент ненормальное отсутствие рабочих рук, большой недостаток орудий производства, страшную дороговизну». Введение карточной системы создавало, по его мнению, для

бедного калмыцкого населения такие экономические условия, при которых складывалось положение, внушавшее самые серьезные опасения. Они могли вылиться в «крайне острые и нежелательные меры». С целью предотвращения возможных беспорядков И. Гаврилов предложил: 1) образовать при УКН Центральный продовольственный комитет; 2) расширить деятельность комитетов по оказанию помощи семьям калмыков, призванных на тыловые работы; 3) привлечь в число членов Центрального продкомитета представителей от калмыцкого населения; 4) командировать сведущих лиц в пункты, где еще имеется возможность закупки зерна и муки; 5) собрать сведения об имевшихся в наличии у населения запасах сельскохозяйственных продуктов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 12. Л. 10].

Исходя из предложения И. Гаврилова, 22 мая 1917 г. Центральный комитет по управлению калмыцким народом (далее — ЦИК по УКН) образовал особый отдел — Продовольственный Совет под председательством Н. О. Очирова, в составе членов комитета О. Босхомджиева, А. Лисунова и В. Мергасова [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 19. Л. 2].

Организовывались продовольственные учреждения и на местах. Для этого ЦИК по УКН рекомендовал улусным и аймачным исполнительным комитетам принять на себя обязанности продовольственных советов или выделить из своего состава коллегии, исполнявшие функции продовольственных органов. Последние должны были регулярно доставлять в ЦИК по УКН сведения о числе душ мужского и женского пола старше 5 лет и о необходимом для их снабжения количестве продуктов в расчете на 1 месяц. При этом нормой потребления считалось 30 фунтов муки и 1,5 доски кирпичного чая на душу. Только после этого центральный продовольственный совет закупал продукты в Астрахани и отправлял их на хранение в специальных склады. Образование местных продовольственных комитетов требовало средств, поэтому ЦИК по УКН призвал наиболее состоятельных калмыков к предоставлению 5 % денежного займа [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 19. Л. 16, 18].

В обстановке все более ухудшавшегося экономического положения возросло недоверие населения к деятельности продовольственных органов. Так, в п. Калмыц-

кий Базар 9 июня 1917 г. был созван сход, на котором разоблачалась деятельность исполкома. На сходе жители поселка заявили, что при раздаче муки исполком взимал с населения специальный взнос на уплату жалования своим членам. В действиях исполнительного комитета калмбазаринцы усмотрели «прямую угрозу общественному спокойствию» и «шаг, исключительно направленный к удовлетворению личных интересов». Было также отмечено, что комитет, имея легальные возможности получения муки из вышестоявших продовольственных учреждений, принимал настойчивые меры для приобретения ее у частных лиц, что было гораздо дороже. В итоге присутствовавшие на сходе постановили: 1) отозвать всех своих членов из исполкома и порвать с ним всякую связь; 2) ввиду явной вредной деятельности этого органа местной власти просить ЦИК по УКН произвести расследование и прекратить отпуск исполкому продуктов первой необходимости; 3) предложить членам аймачного схода потребовать обратно взносы, уплаченные населением на устройство продовольственного снабжения [НА РК. Ф. И-4. Оп. 3. Д. 3. Л. 42, 43].

14 июня 1917 г. председатель Астраханской губернской продовольственной управы П. Кравченко выступил с докладом перед членами ЦИКа по УКН и отметил в нем, что если ранее Калмыцкая степь исправно снабжалась мукой, поступавшей водным и железнодорожным путями из Самарской губернии и Уральской области, то теперь ее поступало ничтожное количество. В связи с этим П. Кравченко призвал членов ЦИК принять самые экстренные меры по организации широкой закупки зерна. Но в конце июня 1917 г. норма потребления муки в Калмыкии была урезана с 30 до 25 фунтов в месяц на человека [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 56, 58].

Законом от 1 июля 1917 г. Калмыцкая степь была выделена в особую территориальную единицу с введением земского управления. Члены ЦИК по УКН С. Б. Баянов и Д. Д. Тундутов направили министру продовольствия докладную записку, отметив логичность выделения Калмыцкой степи в самостоятельную единицу и в отношении снабжения. Они также просили разрешить калмыцкому продкомитету делать самостоятельные закупки муки в пределах Ставропольской губернии и чая в других областях. Авторы послания были озабочены

тем, что за 8 месяцев совместной деятельности с губернской продовольственной управой калмыцким управлением было получено ничтожно малое количество муки (всего 9,8 фунта на человека) и чая (0,08 кирпича на душу). Население Калмыцкой степи переживало, как отметили Д. Д. Тундутов и С. Б. Баянов, «совершенный недостаток, граничащий с голодом» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 19].

Поэтому они просили выделить на нужды калмыков ссуду в 2 млн рублей. Но Временное правительство не спешило удовлетворять просьбу калмыцких представителей. В этой ситуации продсовет степи обратился к аймачным комитетам с предупреждением о необходимости экономии в расходовании продуктов — «во избежание назревающей в стране опасности голода» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 170].

Участники состоявшегося в Астрахани заседания чрезвычайной комиссии по продовольственному делу пришли к выводу, что единственным выходом из создавшегося положения могло быть исходатайствование планомерного отпуска муки из Ставропольской губернии. Комиссия постановила командировать в качестве уполномоченных от продовольственного совета при ЦИКе по УКН Н. Очирова и председателя Яндыко-Мочажного продовольственного комитета А. Г. Мещерякова в Ставрополь с целью выяснить, насколько губерния может снабдить калмыков хлебом. По расчетам членов калмыцкого продовольственного совета, для предстоящих закупочных операций было необходимо не менее 5 млн руб., а для полного обеспечения населения Калмыцкой степи на предстоящую зиму — не менее 18 млн. Но к ноябрю 1917 г. продсоветом при ЦИКе по УКН было получено только 1 млн. руб. ссуды от Временного правительства [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 29, 56].

Таким образом, основная часть населения Калмыкии была обречена на голодное существование. На заседании продовольственного комитета Степной области калмыцкого народа 27 октября было принято решение об организации областной продовольственной управы в составе председателя Н. О. Очирова, товарища председателя Э. Хара-Давана и членов — Т. Б. Тюменя и Б. С. Сарангова. В пределах Калмыцкой степи были созданы 6 уездных и 3 район-

ных продовольственных комитета [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 56].

Еще 20 августа 1917 г. цены на хлеб, отпускаемый из государственных магазинов, были повышены вдвое. Отмечая сложность сложившейся ситуации, председатель Ики-туктуновского продовольственного комитета Большедербетовского улуса Степан Буринов предложил принять меры, чтобы все нуждавшиеся граждане имели возможность приобрести необходимое количество зерна. Это можно было осуществить путем изъятия запасов урожаев прошлых лет по старым ценам из общественного хлебозапасного магазина [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 30. Л. 81].

В условиях усугубившегося продовольственного кризиса стали наблюдаться попытки изъятия хлебных запасов у арендаторов земель. 4 октября 1917 г. в хозяйство крупнейшего поставщика хлеба в Большедербетовском улусе, С. М. Букреева, явилась группа вооруженных солдат и без ведома Ставропольской продовольственной управы конфисковала 3242 пуда пшеницы и 772 пуда ржи. Как отмечено в документах, солдаты «вели себя вызывающе, обращались грубо, предъявляли излишние требования и угрожали, в противном случае, разнести экономию» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 30. Л. 81, 81об.].

Трудности с продовольственным снабжением калмыков продолжали сохраняться и после октябрьского переворота в Петрограде. Политическая ситуация в стране обсуждалась на собрании служащих Медвеженской продовольственной управы, которой подчинялся Большедербетовский продовольственный комитет. Отметив «попытки большевиков-ленинцев и прочих агентов Вильгельма, захватить власть», члены управы постановили: 1) не признавать власть большевиков, так как вся власть в России принадлежит только Учредительному собранию как хозяину Земли Русской; 2) не исполнять распоряжений народных комиссаров и самочинных организаций; 3) не прекращать работы по продовольственному делу и не подчиняться требованиям незаконных захватчиков власти; 4) признать, что право заключения мира с Германией принадлежит Учредительному собранию, а не кучке преступников и предателей большевиков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 31. Л. 129].

Итак, служащие Медвеженской продовольственной управы продолжали придерживаться курса, установленного Временным правительством. Конфронтация структур власти в стране нарастала, а положение калмыков все более ухудшалось.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия
Национальный архив (НА РК).
Российский государственный исторический архив (РГИА).

Литература

- Команджаев А. Н.* Экономическое развитие Калмыкии и положение ее трудящихся в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 128–145.
- Орехов И. И.* Первая мировая война и развитие калмыцкого общества // Ученые записки: КНИИЯЛИ. Сер. истор. Ч. 1. Вып. 5. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. С. 77–117.
- Яковлев Н. Н.* Последняя война старой России. М.: Просвещение, 1994. 256 с.